

карт», «У' дача», «Клуб'ОК» (магазины), «1000 дорог», «4 сезона», «7 морей» (туристические агентства), «25-й кадр» (фотосалон).

Таким образом, анализ современных эргонимов города Тюмени показывает, что многие владельцы предприятий стремятся найти удачное имя, которое не только запомнится клиенту, но и будет стимулировать продажи и способствовать формированию благоприятного общественного лица фирмы.

М. С. Выхристюк, г. Тобольск

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛЕКТНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ г. ТОБОЛЬСКА XVIII вв.)

В историю русского языка XVIII век вошел как период формирования русского литературного языка на национальной основе. На исконно-русской территории к этому времени прекращается образование новых диалектных различий, но на территории позднего заселения, к числу которых относится территория за Уралом, начинают складываться говоры вторичного образования.

С точки зрения языкового развития XVIII век был переходным периодом от XVII века с его двуязычием и отсутствием строгих норм к периоду от Петровской эпохи до Пушкина. Этот сложный этап в развитии русского национального языка характеризуется перестройкой всей языковой системы, в процессе которой складывались единые нормы письменно-книжной и устно-разговорной форм литературного языка. Литературный язык постепенно вбирал в себя все лучшее, что было в национальном языке, а то, что бесследно уходило из литературного языка, продолжало жить в диалектах и находило частичное отражение в языке местной деловой письменности. В связи с этим тексты делопроизводства г. Тобольска XVIII в., написанные на периферии, представляют собой бесценный источник для изучения диалектной лексики в лексикографическом аспекте. Между тем тексты сибирского делопроизводства лишь частично попали в число источников переиздаваемого ныне «Словаря русского языка XVIII века», в то же время без исторического словаря диалектной и просторечной лексики невозможно представить все богатство лексики русского национального языка и выявить те процессы, которые происходили в языке при отборе лексических средств в период нормализации литературного языка.

В русистике последних десятилетий работа по изучению языка региональных памятников деловой письменности XVII–XVIII вв. активизировалась. Исследования новых архивных текстов значительно расширяют возможности лингвистов в решении основных задач, отмеченных выше, они раскрывают системную организацию лексики деловой письменности в целом и отдельных ее разновидностей, выявляют связи данной лексики с лексико-фразеологической системой литературно-письменной и обиходно-разговорной речи. Именно этим объясняется стремление ученых привлечь для анализа значительное количество неопубликованных и неисследованных текстов различной жанровой принадлежности, хранящихся в архивах разных регионов нашей страны.

Элементы разговорной речи рассматривались в трудах М.С. Варшаломидзе (1967), Л.А. Глинкиной (1996), Г.П. Князьковой (1974), С.И. Коткова (1980), Л.Ф. Копосова (2000),

Б.А. Ларина (1975), О.Г. Пороховой (1988), Ю.С. Сорокина (1982), Г.В. Судакова (1991), Г.А. Якубайлик (1973).

Язык сибирских деловых документов, отражающих фонетические, морфологические и лексические особенности живой разговорной речи, в разных аспектах изучался В.В. Плагиной, Н.Л. Цомакион, Л.А. Захаровой, О.Д. Любимовой, Н.А. Потсхиноп, Г.М. Чигрик и др. исследователями, но в лексикографическом плане изучен крайне слабо. Назовем лишь немногие работы, из них «Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII вв.» (Н.А. Цомакион, 1971), «Словарь русских говоров Новосибирской области» (А.И. Федорова, 1979), «Словарь русской народно-разговорной речи Сибири XVII — первой половины XVIII вв.» (Л.Т. Панин, 1991) «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (на материале «Среднеобского словаря XVII в.») (В.В. Палагина, 1994), «Частотный словарь таможенных книг Томска 1624–1027 гг.» (В.В. Палагина, 1994), «Словарь языка памятников Приенисейской Сибири XVII в.» (Л.М. Городилова, 1998), «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII–начала XVIII вв.» (В.В. Палагина, Л.А. Захарова, 2002).

Между тем, по справедливому замечанию С.И. Коткова, лексикографическое изучение диалектной лексики в местных деловых документах «в сочетании с показаниями местных говоров исключительно перспективно... для разработки исторической диалектологии [Котков 1980: 20].

Исторический словарь западносибирских старожильческих говоров позволит установить лексический состав диалектов в период формирования говоров «вторичного» образования на территории позднего заселения, поможет дать представление об ареале диалектных слов в прошлом и в настоящее время, а также установить, какими материнскими говорами те или иные слова могли вноситься в Сибирь. Такой словарь даст возможность выявить сибирскую по происхождению лексику и может оказать помощь в решении проблемы диалектной основы старожильческих говоров. Необходимость исторического диалектного словаря диктуется также изучением лексики диалектов в историческом аспекте. Поскольку исторический словарь диалектной лексики позволит установить первоначальные значения слова и те изменения, которые происходили в его семантике в дальнейшем, определить, всегда ли слово было диалектным или оно до определенного момента было общерусским, дожило ли слово до современности или утратилось, или вошло в лексическую систему литературного языка, в какое время это произошло.

Выбирая деловую письменность г. Тобольска прошлых эпох в качестве лексикографического источника, необходимо учитывать их информативность и содержательность, т. к. «знание предопределяемой содержанием источников лексикографической содержательности последних обеспечивает их оптимальный подбор для исследования в намеченном направлении», а «знание лингвистической информативности источников обеспечивает объективность их показания» [Котков 1980: 46].

Тобольск в XVIII столетии был столицей самой большой губернии в России. Он являлся крупным промышленным, торговым, культурно-просветительным и духовным центром Сибири, первостепенным по значимости городом за Уралом.

С учетом этого положения объектом исследования послужили тексты г. Тобольска XVIII в., созданные в ряде тобольских канцелярий, различные по тематике, коммуникативной характеристике и жанровой принадлежности, написанные от руки или изданные в городской типографии в конце XVIII в., хранящиеся в фондах архива ГУТО «Государственный архив в г.Тобольске», а именно тексты духовного делопроизводства (Фонды 70, 205, 156), официально-административные скорописные тексты (Фонды 341, 363, 329, 369, 365, 661, 169), документы органов городского и сословного самоуправления (Фонды 365, 661, 169, 373, 205, 355), документы органов суда и прокуратуры (Фонды 363, 361, 501, 588, 368, 371, 366), документы финансово-налоговых и статистических учреждений, в том числе учетно-регистрационная до-

кументация г. Тобольска XVII–XVIII вв.: ревизские сказки, метрические книги, книги денежных доходов казенной палаты (Фонды 371, 475), деловые тексты культурно-просветительных и бытовых учреждений (Фонды 5, 35).

Диалектная лексика выделяется на основе сопоставления с лексикой современных старожильческих говоров Сибири, с лексикой говоров европейской части страны, с лексикой имеющих исторических словарей и словарей литературного языка. Самый многочисленный класс слов — это имена существительные. Выделенные диалектные слова включаются в несколько тематических групп, основные из них: 1) названия предметов домашнего обихода и имущества — *брашно* (пища, еда), *кадь* (кадка) и др.; 2) хозяйственных построек — *двор* (пристройка к избе для скота), *заплот* (забор из толстых досок, жердей или бревен), *крылец* (крыльцо) и др.; 3) названия лиц по роду занятий, деятельности, месту жительства — *знаемый* (знакомый), *робенок* (ребенок), *сосед* (сосед), *убойца* (убийца) и др.; 4) названия частей тела — *афендрон* (нижняя задняя часть туловища человека), *длани* (ладони), *утроба* (живот), *руда* (кровь); 5) названия болезней — *апостема* (нарыв, гнойник), *зубоядь* (зубная боль), *испарь* — (испарина), *окорм* (переедание, ожирение) и др.; 6) названия сельскохозяйственного инвентаря — *горбуша* (короткая коса с заостренным с обеих сторон лезвием), 7) названия одежды и тканей — *вареги* (вязанные рукавицы), *зипун* (верхняя мужская теплая одежда), *опояска* (пояс), *чарки* (кожаная женская легкая обувь без каблуков с завязками на голени); 8) названия участков земли — *поскотина* (огороженное место для пастьбы скота) и др., 9) абстрактные понятия — *велиглаголанье* (многословие), *велегластство* (громкоголосие), *весельство* (веселье, радость), *волгость* (влага, влажность), *колотье* (нанесение ран колющим орудием), *свербёж* — зуд, вызывающий расчёсы).

Лингвистическая информативность текстов деловой письменности второй половины XVIII в. г. Тобольска чрезвычайно многообразна. Источники дают богатый материал для изучения истории ряда лексико-тематических полей. Таковы названия сельскохозяйственного инвентаря — *горбуша* (короткая коса с заостренным с обеих сторон лезвием); названия предметов домашнего обихода и имущества — *брашно* (пища, еда), *кадь* (кадка) и др.; названия хозяйственных построек — *двор* (пристройка к избе для скота), *заплот* (забор из толстых досок, жердей или бревен), *крылец* (крыльцо); названия лиц по роду занятий, деятельности, месту жительства — *знаемый* (знакомый), *робенок* (ребенок), *сосед* (сосед), *убойца* (убийца) и др.; названия одежды и тканей — *вареги* (вязанные рукавицы), *зипунь* (верхняя мужская теплая одежда), *опояска* (пояс), *чарки* (кожаная женская легкая обувь без каблуков с завязками на голени); названия участков земли — *поскотина* (огороженное место для пастьбы скота) и др., абстрактные понятия — *велиглаголанье* (многословие), *велегластство* (громкоголосие), *весельство* (веселье, радость), *волгость* (влага влажность), *колотье* (нанесение ран колющим орудием), *свербёжь* — зуд, вызывающий расчёсы) и др.

Лексикографическое изучение текстов местного делопроизводства XVIII в. позволит накопить материалы для составления свободного исторического словаря диалектов, необходимость которого и научную значимость трудно переоценить, поскольку он дополнит исторические словари и поможет восстановить утраченные звенья в лексической системе национального языка. Такой словарь необходим не только историкам языка и диалектологам, он нужен всем лингвистам и филологам, изучающим функционирование слова в языке и речи, стилистам, изучающим язык художественной литературы, а также фольклористам, историкам и этнографам.

Литература

1. Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука 1980. 293 с.

2. Борисова Е.Н. О некоторых проблемах становления и развития словарного состава русского языка XVI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1978. № 5. С. 128–141.
3. Волков С.С. Севернорусские диалектизмы и русских челобитных XVII в // Севернорусские говоры: Сб. статей. Вып. ХЛ., 1979. С. 69–77.
4. Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII века. Л.: Наука, 1974. 253 с.
5. Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М.: Изд-во Моск. пед.ун-та, 2000. 287 с.
6. Майоров А.П. Региональный узус деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья). М., 2006. 314 с.

М. С. Выхристюк, г. Тобольск

НОРМА И УЗУС: К ПРОБЛЕМЕ СТАНДАРТИЗАЦИИ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА XVII–XVIII вв. В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время в работах по истории русского литературного языка все активнее разрабатываются проблемы, связанные с теоретическим исследованием и осмыслением понятия языка [Живов 2002, Ремнева 1995; Киянова 2006; Копосов 2000; Кортава 1998; Никитин 2000 и др.]. Языковеды пытаются найти ответы на вопрос: что могла представлять собой норма, в том числе в применении к преднациональному периоду, как она фиксировалась. Т.В. Кортава считает, что, «несмотря на наличие обширной библиографии по исследуемой теме, следует констатировать, что в целом круг вопросов, связанных с проблемой нормы московского языка XVII в., представляется не до конца изученным, очевидно, из-за недостатка частных исследований, построенных на материале приказного языка» [Кортава 1998: 32]. Это заключение в значительной мере относится и почти ко всему XVIII веку.

Попытаемся определить сущностные характеристики нормы русской деловой письменности XVIII в., которая представлена в архивных фондах г. Тобольска многочисленными текстами разных жанров. Именно текст делового документа (деловой текст) заключает в себе обширные материалы для осмысления понятия языковой нормы.

М.Л. Ремнева, автор книги «История русского литературного языка», считает, что в рассматриваемый период нормированными были уже и литературный язык (церковнославянский русской редакции), и деловой язык [Ремнева 1995: 29].

Суждение о том, что деловой язык XVII–XVIII вв. обладал системой норм, не является общепризнанным. Б.А. Ларин это мнение принимает как исходное положение, не требующее доказательств [Ларин 1975: 227]. Л.Ф. Копосов считает, что лишь «...к середине XVI века складывается единая для Московского государства система делопроизводства, и именно в этот период орфографические нормы, сформировавшиеся в московских приказных учреждениях, получают распространение на всей русской территории». Он же обосновывает понятие местной (локальной) нормы, содержащей как обязательный компонент общерусский вариант нормы [Копосов 2000: 10].

В силу ряда причин сегодня в науке представляется не до конца изученным круг вопросов, связанных с проблемой нормы старорусской деловой письменности (деловых текстов):